

АРХИТЕКТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К ОДНОМУ МЕСТУ ИЗ ПОСЛАНИЯ АРХИЕПИСКОПА ГЕННАДИЯ МИТРОПОЛИТУ ЗОСИМЕ

Послание новгородского архиепископа Геннадия митрополиту Зосиме публиковалось несколько раз и много раз цитировалось. История его изучения насчитывает почти двести лет. Однако, как это иногда бывает в историографии, если полнота источника изначально, в первой же интерпретации, ущемляется, то часто он и дальше присутствует в сознании исследователей в таком виде. В результате объективная историческая информация, сообщаемая подлинным документом, превращается в некую «икону», лишь относительно связанную с первоначальным «образом». В то же время обращение к первоисточнику (или его гипотетической реконструкции, включающей дополнительные, утраченные в процессе историографической интерпретации сведения) показывает наличие целого ряда вопросов, требующих объяснения. В настоящей работе мы хотим обратить внимание на интересные сведения, касающиеся послания архиепископа Геннадия, ранее не рассмотренных в работах, посвященных этому сочинению.

Послание архиепископа Геннадия неоднократно публиковалось¹. Последняя по времени и наиболее полная публикация памятника была осуществлена в 1955 г. Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье [Казакова, Лурье, с. 373–379]². Историки, занимающиеся изучением эпохи Ивана III, ссылаются именно на это издание. Публикаторы выбрали в качестве основного текста вариант письма, напечатанный в VI томе «Русской исторической библиотеки» (РНБ. Q.XVII.15 (Собр. Толстого. Отд. II. № 254)).

К сожалению, авторы отказались привлекать к изданию публикацию письма новгородского архиепископа в «Актах Археографической экспедиции» (далее — ААЭ) и не дали различий по этому изданию. Также им остался неизвестным факт публикации памятника Н. И. Новиковым в XIV томе «Древней Российской Вивлиофики» (далее — ДРВ) в разделе VII («Грамматы и

¹ Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российския касающихся... Изд. второе. М., 1790. Ч. XIV. № 38. С. 278–290; ААЭ. М., 1836. Т. I. № 380. С. 478–482 (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье при публикации ошибочно указали № 381); РИБ. СПб., 1880. Т. VI. № 115, I. С. 763–769.

² Публикуя письмо Геннадия, Н. А. Казакова и Я. С. Лурье писали: «“Послание Геннадия Зосиме” издавалось дважды: в “Актах Археографической экспедиции” (ААЭ) (Т. I. № 381. 1836) и в “Памятниках древнерусского канонического права” А. С. Павлова (РИБ. Т. VI. № 115, I). Рукописный источник издания “Актов Археографической экспедиции” не вполне ясен: издатели ссылаются на “сборник in 4°, находящийся в библиотеке Соловецкого монастыря под № 67” (стр. 482); в Соловецком собрании, действительно, сохранился сборник в 4° (теперешний № 962/852), содержащий “Послание Геннадия Зосиме”, но текст “Послания” в этом сборнике не вполне совпадает с текстом ААЭ. В тексте ААЭ читается ряд вставок, отсутствующих в Соловецком списке, так, например, после слов (о новгородских еретиках) “и ти послышив то, что на Москве живут еретики во ослабе” (стр. 375) читается “и они все отселе сбежали к Москве; да там еретики сбежав, да ходили в ослабе”; вместо слов (по адресу Зосимы) “аще сам не веси” читается “аще сам не невеси”. Откуда взяты эти чтения, был ли в руках издателей не дошедший до нас соловецкий список, или это какие-то их домыслы и конъектуры, сказать трудно. Во всяком случае, в обоих дошедших до нас списках “Послания” — Толстовского и Соловецкого собрания — все указанные места читаются одинаково и чтения, характерные для текста ААЭ, отсутствуют. А. С. Павлов в своем издании положил в основу список Толстого, сделав ряд вставок по печатному тексту ААЭ, не сверенному им с рукописью Соловецкого собрания. В настоящем издании мы используем оба известных нам списка послания: 1) ГПБ, Q.XVII.15 (Собр. Толстого. Отд. II. № 254); 4°; перв. пол. XVI в. Сборник, включающий в себя “Просветитель” Иосифа Волоцкого, переписанный Нифонтом Кормилицыным... 2) ГПБ, Сол. № 962/852; 4°. Сборная рукопись нач. XVII в. “Послание” Зосиме — л. 331–341 об. Текст “Послания Геннадия Зосиме” издается по списку Q.XVII.15 (Т) с необходимыми исправлениями и важнейшими разночтениями по списку Сол. № 962/852 (С). Текст издания ААЭ, оригинал которого нам не известен, не привлекается» [Казакова, Лурье, с. 373–374].

другия бумаги, найденныя в библиотеке Иосифова монастыря...»), хотя они и обращались к документам, напечатанным в этом томе [Казакова, Лурье, с. 439]. Может быть, это связано с тем, что в оглавлении к XIV тому он указан как «Грамота без начала и безыменная повольная на избрание Митрополита и известительная о еретиках Новгородских» (в этом варианте письма действительно отсутствует начало до слов «...посылали бы по меня»). На эту публикацию ссылался Н. М. Карамзин [Карамзин, с. 26, примеч. 107,]³.

В тексте письма, изданного Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье, содержатся интересные сведения о реконструкции кремлевского дворца Иваном III. В вариантах ДРВ и ААЭ мы можем найти еще некоторые дополнительные сведения, которые были сокращены в варианте письма, опубликованном в 1955 г.

Письмо Геннадия условно можно разделить на шесть частей. В первой содержится отказ прислать новому митрополиту Зосиме исповедальную грамоту, объяснение, почему архиепископ не присутствует на поставлении митрополита в Москве (по причине запрета великого князя), и сообщается о посылке повольной грамоты на избрание митрополита. Во второй Геннадий пространно рассказывает историю о своей борьбе с новгородскими еретиками в 1488—1490 г. В третьей осуждается перенос церквей и монастырей из Кремля. В четвертой осуждается бездействие митрополита, не возражающего великому князю, и содержится просьба о приглашении Геннадия в Москву на совет с великим князем и митрополитом. Пятая часть представляет собою жалобу на «чернеца Захара». Шестая, завершающая, часть — челобитье.

Нас интересует третья часть письма, в которой говорится о переносе церквей (здесь и далее мы цитируем текст по варианту ДРВ): «А ныне беда ся стала земская, да не честь Государская великая, церкви старья извечныя выношены из города вон, да и монастыри старые извечные с места переставлены. А кто веру держит ко Святым Божиим церквам, о том писано сице: “Освяти любящия благолепие дому твоего, и тех прослави Божественною твоею славою”. Да еще паки сверх того и кости мертвых выношены на Дорогомилово: и кости выносили, а телеса ведь туто остались, в персть разошлись; да на тех местех *ныне* (в вар. ААЭ, вар. РНБ нет. — Д. П.) сад посажен. А Моисей писал во втором законе: “Да не насадиши себе садов, ни древа, подле требника Господа Бога твоего”. А господин наш отец Геронтий митрополит о том не воспретил: то он ведает, каков ответ даст за то Богу, а гробокопателем какова казнь писана, а ведь того для, что будет воскресение мертвым, не велено их с места двигнути, а опроче тех великих Святых, коих Бог прославил чудесы, да Божиим повелением (ангелским явлением бывает пренесение мощем, на избавление — вар. ААЭ, вар. РНБ. — Д. П.) на телесы явлением людям и на утверждение и на почесть градовом. А что вынести церкви, да и гробы мертвых, да на том месте сад *посажен* (посадити — вар. ААЭ, вар. РНБ. — Д. П.), а то какова нечесть учинена? От Бога грех, а от людей сором. Здесь приехал Жидовин новокрещеной, Данилом зовут, а ныне Христианин, да мне сказывал за столом во все люди: понарядился, деи, есми из Киева к Москве, ино ми, де, почали Жидова лаяти: “Собака, де, ты ся куды нарядил? Князь, де, Великий на Москве церкви из города *в селы метал* (все выметал — вар. ААЭ, вар. РНБ. — Д. П.) вон”; а сказывал тои перед твоим сыном Боярским перед Вяткою: ино каково безчередие и нечесть Государству учинена! А то ведь познают Государя ввели в той грех благословенною виною, а приводили притчю: что коли ездят в войске, где церкви Христианския нет, и они поймут с собою Священника, да церковь полотняну возят с собою. Да бережение чинят о том велико: первое, де, постеляют кожу, да наверх плат положат, на чем церкви той стояти; да как, де, обедню отслужив, да церковь сняв, да по обычаю ея сохранит, да то место огнем попалят,

³ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье обращались к этому тому (см.: [Казакова, Лурье, с. 187, примеч. 83]).

а без того не прикоснется ему ничто; или как кто невежеством учинит, что поставя церковь на земле, а плата под нею не постеляют, ино Священник руки умывает над чашею, да ту воду в реку льют, да сняв церковь, место также огнем поपालят. А церкви Божии стояли колико лет? а где Священник служил, руки умывали, и то место бывает непроходно; а где престол стоял да и жертвенник, те места непроходны же. А ныне те места не огорожены, ино и собаки на те места ходят и всякой скот. А что дворы отдвинуты от города, ино то и в лепоту: а церкви бы стояли вокруг города: еще бы честь граду большая была. А егда бывает нахождение иноплеменник, ино выносив иконы, да сожгут стены, а милость Господа Бога Вседержителя, его же храм, туто останет, Пречистыя его *Богоматере* (матере — вар. ААЭ, РНБ. — Д. П.) и Святыя всех заступление на сохранение граду. А что которыя церкви были в городе, а то также бы подняти на подклетех, да сени *рядити* (нарядити — вар. ААЭ. — Д. П.) вокруг церкви; да *переходы с Великаго Князя двора, да Поп бы ходячи пел у тех церквей* (вар. РНБ — нет. — Д. П.), а коли лучится выйти Великому Князю или Великой Княгине саду посмотрети, и он бы посидел у церкви *на поле* (ино лепо — вар. ААЭ, вар. РНБ. — Д. П.) *видети* (вар. РНБ, вар. ААЭ, в вар. ДРВ нет — Д. П.). А ныне разговорити того некому Государю Великому Князю, развее тебя, Господина Отца нашего, с Божиею помощию; а нам, твоим детям и служебником, пригоже тебе *о том поминами* (вспоминати — вар. ААЭ, РНБ. — Д. П.); а ты бы, Господин Отец наш, сыну своему Великому Князю накрепко о том воспоинал: понеже должно ти есть»⁴.

Этот раздел письма постигла довольно печальная участь. Первый же исследователь, который процитировал послание Геннадия, Н. М. Карамзин⁵, сделал в нем купюры и создал определенную «модель» цитирования, которую повторяли на протяжении двухсот лет. По той же «модели» послание цитировали Н. И. Костомаров⁶,

⁴ Древняя Российская Вивлиофика. № 38. С. 285—288. Текст цитируется без сохранения буквы «ѣ» и буквы «ѵ» на конце слов; словделение и пунктуация издания не сохраняются.

⁵ «Повелением Вел. К. (в 1493 г.) сносиша дворы за Неглинну и церкви и устави меру от стены до двор 109 сажон болших... Той же весны (в 1495) велел дворы снести и церкви за Москвою против города, и заложил стену градную камену на Москве не по старой стене возле Неглинны.» Архиеп. Новг. Геннадий в письме к Митрополиту Зосиме говорит: «Ныне беда ся стала земская... церкви извечныя выношены из города вон, да и монастыри с места переставлены... и кости мертвых выношены на Дорогомилowo; и кости выносили, а телеса ведь туто остались в перст разошлись да и в тех ныне сад посажен... от Бога грех, а от людей сором. Здесь приехал Жидовин новокрещенный, Данилом зовут, да мне сказывал за столом во все люди: «Князь де Великой (так говорили Данилу Жиды в Киеве) на Москве церкви из города в селы метал вон...» А что дворы отодвинуты от города, ино то и в лепоту; еще бы честь граду большая была... Где престол стоял, да и жертвенник, а ныне те места неогорожены: ино и собаки на те места ходят и всякой скот» [Карамзин, с. 26, примеч. 107].

⁶ «Геннадий... смело обличал распоряжения самого великого князя, касающиеся церкви. По поводу перестроек в Москве (здесь, по-видимому, по вине наборщика типографии Стасюлевича, где была напечатана книга, пропуск в несколько слов. На этой же странице есть еще пропуск и опечатка. — Д. П.) были разобраны ветхия церкви и перенесены на другие места; — кости мертвых свезены были на Дорогомилowo, а на месте церковной ограды, служившей для погребения, разведен был сад. Этот поступок Геннадий назвал «бедою земскою» и «нечестью государскою» и сообщал свои рассуждения, очень любопытные как образчик умствований того времени. «Кости мертвых, — писал Геннадий, — вынесены, а тела остались на прежнем месте, рассыпавшись в прах; и на них сад посажен; а Моисей во Второзаконии не велел садить садов и деревьев подле требника Господа Бога. Гробкопателям какова казнь писана: а ведь это оттого, что будет воскресение мертвых; не велено мертвых с места двигать, опричь тех великих святых, коих Бог чудесами прославил. Где сколько лет стояли Божьи церкви, где стоял престол и жертвенник, — эти места неогорожены: собаки ходят по ним и всякий скот!» [Костомаров, с. 325].

другие исследователи в XIX в.⁷ и современные авторы — Н. С. Борисов [Шокарев, с. 165]⁸, Ю. В. Алексеев⁹.

⁷ «Но просвещенный Геннадий не ограничивался одною этою борьбою, он зорко следил и за другими беспорядками и неурядицами в русской церкви и государстве и старался, по возможности, прекращать их. Вот случай, который показывает на сколько в Геннадии развито было религиозное чувство, как крепко стоял он за святую старину, за священные обычаи предков и как смело и безбоязненно протестовал против нарушителей их. Великий князь Иоанн III задумал в Кремле, где уже для него становилось тесно, очистить место для великокняжеских дворов и сада, который хотел устроить близъ своих новых палат. Для этого великий князь приказал вынести оттуда вон несколько старых монастырей и церквей и даже коснулся древнего кладбища, приказав вынуть гробы предков и перенести за Дорогомилово. Страшно возмущен был Геннадий таким распоряжением и в грамоте к митрополиту Зосиме высказал свой взгляд на поступок князя, который тем более возмущал Геннадия, что давал пищу дерзким насмешкам еретиков. Вот как Геннадий по этому поводу выражается в послании к Зосиме: "...а ныне беда стала земская да нечесть государская великая: церкви старья извечныя выношены из города вон, да монастыри старые извечныя переставлены... да еще паки сверх того и кости мертвых выношены за Дорогомилово, ино кости выносили, а телеса ведь туто остались, в персти разошлись; да на тех местах сад посажен. А господин наш отец Геронтий митрополит о том не воспретил, то он ведает каков ответ за то даст Богу. А гробокопателем какова казнь писана, а ведь того для, что будет воскресение мертвых не велено их с места двигнути "исключая св. мощей". А что вынести церкви, да и гробы мертвых, да на том месте сад посадить, а то какова нечесть учинена? От Бога грех, а от людей сором". Далее Геннадий рассказывает про одного новокрещенного жидя, который собрался ехать из Киева в Москву, а жид ему и говорит: "куда ты едешь? Князь-де великий на Москве церкви все выметал вон! Ино каково то безчестие и нечесть государству великому учинена? А церкви Божии стояли колико лет, а где священник служил, руки умывал и то место бывало не проходно, а где престол стоял да и жертвенник и те места не проходны же, а ныне те места не огорожены, ино и собаки на то место ходят и всякий скот... Нам твоим детем и сослужебником, пригоже тебе о том вспоминать, а ты господин отец наш сыну своему великому князю накрепко о том вспомянай, понеже должно ти есть"» [Геннадий, с. 495–496]. См. также: [Бартенев, с. 32] (без указания источника).

⁸ «Сносу деревянной застройки в Занеглименье и Замоскворечье предшествовала "чистка", устроенная Иваном в самом Кремле. Она развернулась в период между 1485 и 1490 годами. В ходе этой "чистки" сносились не только жилые дома, но и деревянные храмы, мешавшие постройке новых каменных стен московского Кремля... Иван расчищал и территорию вокруг своего двора. Ему нужна была обширная площадка для задуманного проекта — двухэтажного каменного дворца. Кроме того, он решил благоустроить Кремль, утопавший в хаосе деревянной застройки, в итоге выселению из Кремля подверглись не только некоторые купеческие фамилии, но даже придворный Спасский монастырь, которому было отведено новое место на юго-восточной окраине Москвы... И все же не только новая стена и новый дворец стали причиной сокрушительной расчистки. Еще одна причина — огонь. Чрезвычайно плотная застройка Боровицкого холма способствовала возникновению и быстрому распространению пожаров. Именно поэтому значительную часть территории, освобожденной сносом деревянных построек, занял дворцовый сад... Государь приказал раскопать могилы и взять из них кости умерших и перезахоронить их в Дорогомилово. Там издавна находилось московское подворье ростовских владык, при котором было большое кладбище. Даже при самой тщательной подготовке эта необычная акция могла вызвать волнение среди москвичей. Их спокойствие во многом зависело от позиции высшего духовенства. Митрополит Геронтий (1473–1489), часто вступавший в спор с великим князем, к концу жизни стал, по выражению Иосифа Волоцкого, "бояться Держанного". Этим, скорее всего, и объяснялось его согласие на кремлевскую "чистку"... Кончина Геронтия 28 мая 1489 года окончательно развязала руки "гробокопателям". Примечательно, что новый митрополит — во всем послушный государю Зосима — был поставлен на кафедру более чем через год (26 сентября 1490 года). Сомнительные с церковной точки зрения акции лучше всего было проводить именно в период отсутствия митрополита... Недовольство действиями великого князя высказывал даже новгородский архиепископ Геннадий в послании к митрополиту Зосиме. Это послание было написано в период между 26 сентября и 17 октября 1490 года (147, 373)... В качестве яркого примера "нечестия" Ивана третьего Геннадий приводит его отношение к старым кремлевским церквам и монастырям, к могилам давно усопших москвичей. "А ныне беда стала земская да нечесть государская велика: церквам старые извечныя выношены из города вон, да и монастыре старые извечны переставлены. Да еще паки сверх того и кости мертвых выношены на Дорогомилово: ино кости выносили, а телеса ведь туто остались, в персть разошлись; да на тех местах сад посажен. А Моисей писал во Втором Законе "Да не насадиши себе садов, ни древа, подле требника Господа Бога твоего". А господин наш отец Геронтий митрополит о том дасть Богу, а гробокопателем какова казнь. Писана, что будет въскресение мервх, не велено их с места двигати, прочее тех великих святых, коих Бог прославил чудесы, да Божиим повелением и аггельским явлением бывает пренесение мощей, на избавление людей и на утверждение и на гробы мертвых, да на том месте сад посадити, а то какова нечесть учинена? От Бога грех, а от людей сором"» [Борисов, с. 150–154].

⁹ «Задумав масштабную перестройку центра столицы, великий князь распорядился сносить церкви и старые кладбища, на месте которых возникали новые улицы и сады. Осквернение алтарей и нарушение покоя мертвых являлись вопиющими нарушениями православных традиций и сильно смущали современников. Архиепископ Новгорода Геннадий писал великому князю Ивану третьему о возбуждении среди киевских иудеев, вызванном слухами о перенесении церквей в Москве: «Здесе приехал жидовин новокрещеной, Данилой зовут, а ныне

Хорошо видно, что этот раздел письма состоит из двух частей. Первая, воспроизведенная всеми исследователями, — это жалоба на действия великого князя, вторая, никогда не обсуждавшаяся учеными, — предложение Геннадия по обустройству двора великого князя. Следует рассмотреть их по отдельности.

Прежде всего, о чем говорит и рассказывает Геннадий? Если убрать комментарии архиепископа, остается вот что: «...церкви старья извечныя выношены из города вон, да и монастыри старые извечные с места переставлены... Да еще паки сверх того и кости мертвых выношены на Дорогомилowo... да на тех местех ныне (в вар. ААЭ, вар. РНБ нет. — Д. П.) сад посажен... А что вынести церкви, да и гробы мертвых, да на том месте сад посажен (посадити — вар. ААЭ, вар. РНБ. — Д. П.)... “...Князь, де, Великий на Москве церкви из города в селы метал (все выметал — вар. ААЭ, вар. РНБ. — Д. П.) вон”. А церкви Божии стояли колико лет? а где Священник служил, руки умывали, и то место бывает непроходно; а где престол стоял да и жертвенник, те места непроходныя же. А ныне те места не огорожены, ино и собаки на те места ходят и всякой скот. А что дворы отдвинуты от города, ино то и в лепоту: а церкви бы стояли вкруг города: еще бы честь граду большая была...».

Итак, Геннадий говорит о том, что: 1) бывшие до этого церкви и монастыри вынесены из города (Кремля); 2) захоронения (церковные кладбища) разорены, а кости похоронены на Дорогомилowe; 3) на месте церквей (монастырей?) посажен сад; 4) «дворы» отодвинуты от «города».

К сожалению, источники ничего не говорят о «массовом» выносе церквей и монастырей из Кремля до сентября 1490 г. А ведь, рассказывая о пожарах Москвы, летописи этого периода очень детально описывают границы распространения пожара, используя в качестве ориентиров церкви. Архиепископ Геннадий после переезда в Новгород в начале зимы 1485 г.¹⁰ в Москве не был. Он не приезжал даже на соборы на поставление новых владык, посылая повольные грамоты. В рассматриваемом письме сам он об этом пишет так: «...здесь паки, Господине, наказ Государя Великаго Князя о его о великих делех, а велел ми того беречи, а к Москве ехати не велел за своими делы...». «Великие дела» московского князя — это, скорее всего, строительство новгородского Детинца, происходившее именно в это время. Архиепископ Геннадий финансировал треть этого строительства¹¹, поэтому желание Ивана III и без политических мотивов понятно.

Из этого же письма мы знаем о том, как новгородский архиерей узнавал московские новости: «...а се гонци ежедень гоняют о мелких делех, с Москвы до Новагорода, в три дни...». Совершенно очевидно, что он расспрашивал и проезжавших через Новгород и представлявшихся ему важных гостей: «...Здесь приехал Жидовин новокрещеной, Данилом зовут, а ныне Христианин, да мне сказывал за столом во все люди...», «...сказывал ми Посол Юрьи (нет в вар. ААЭ и вар. РНБ. — Д. П.) Цесарев про Испанскаго (шпанского — вар. ААЭ, РНБ. — Д. П.) Короля...». Характерна ситуация, в которой Геннадию рассказывают о происходящем в

христианин, да мне сказывал за столом во все люди: понарядился, деи ... “ты ся куда нарядил? Князь, деи, великий на Москве церкви из града все выметал вон”; а сказывал то пред твоим сыном боярьским пред Вяткою: ино какво то безчередие и нечесть государьству великому учинена!» Из того же послания следует, что в числе аргументов, которыми оперировали сторонники великого князя, были указания на практику богослужений в походных шатровых церквях и на многочисленные случаи сожжения церквей. Трудно сказать, кто выступал в данном случае советником великого князя, но отметим явно практический, а не канонический характер аргументации. Геннадий отводит этот аргумент указанием на многолетнее существование алтарей, любое использование мест из-под которых является осквернением (Ср. “свято место пусто не бывает”). Четвертое правило митрополита Иоанна второго предписывало при переносе ветхих церквей тщательно оберегать места от всякого осквернения человеком или животным: “Ставляються деревянные церкви не ны на том месте не стувляються, место, в нем же олтарь, иде же ся таина творяше, оградити и неприкосновенно хранити и честно, егда не нужна священне приимахут и нечестне святая попираються”» [Алексеев, с. 190–191].

¹⁰ ПСРЛ. М., 2000. Т. XII. С. 216.

¹¹ ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 528.

Москве, — это пир, с его повышенной эмоциональной обстановкой при стечении достаточного количества людей.

Вообще, читая этот фрагмент, кажется, нужно быть чрезвычайно осторожным. Геннадий Гонзов представляет нам свой талант писателя во всю силу. Посмотрите, как описываются московские события. При использовании существительных (то есть при упоминании предметов) мы видим употребление только множественного числа («...церкви... монастыри... церквам... кости... кости... телеса... садов... древа... церкви... гробы... церкви... все (в селы...) ... церкви... места...»), создающее впечатление какой-то страшной катастрофы уничтожения множества церквей. Геннадий «прокололся» только один раз («...да на тех местах *ныне* (в вар. ААЭ, вар. РНБ нет. — Д. П.) сад посажен...»). Очевидно, что при выносе *всех церквей* посадить *один сад* очень затруднительно.

Хочется также обратить внимание еще на одну деталь. Негодую о московских событиях, цитируя Библию, новгородский архиепископ приводит в качестве примера, подтверждающего «нечесть митрополита и Великого Князя», рассказ не о самих событиях, но о слухах о них, достигших уже Киева (то есть юго-западного предела Русской земли). Такой блестящей литературной конструкцией Геннадий подчеркивает «вселенский» масштаб описываемого «нечестия». Создается впечатление, что здесь факты «подгоняются» под ораторский прием. Поэтому нам кажется, что множественное число в отношении монастырей и церквей в этом рассказе есть следствие использования риторической «фигуры», а не действительное число.

Однако если забыть о множественном числе и переписать тот же текст, лишив его пафоса обличения, то мы получим сообщение, дополняющее летописные известия («В лѣто 6997... Того же лѣта повелѣнием великого князя Ивана Васильевича архимандрит спаской Арон нача ставити на новом местѣ Спаскии монастырь, над рѣкою Москвою близко Крутици»¹²; «В лѣто 6999... Тое же весны, повелѣнием великого князя архимандритъ спаской Афанасеи заложилъ церковь камену на Новом Преображение Господа нашего Исуса Христа»¹³). Летом 1489 г. кремлевский Спасский монастырь, по повелению Ивана III, «переехал» на новое место, туда, где находится и сейчас («Того же лѣта архимандриту Арону повеле вынести Спасьской монастырь из города близ Крутицы»¹⁴). На месте осталась только церковь Спаса на Бору. В 1492 г. «тоя же весны апреля в 5 в четверток, вышел князь великий из своего двора из старого в княже Иванов двор Юрьевича в новой, с великою княгинею Софиею и з детми и со снохою с великою княгинею Еленою и со князем Дмитрием со внуком, а старой свой двор древяной велел розобрати и нача ставити каменой двор»¹⁵).

Таким образом, можно предположить, что ко времени написания письма Геннадия Спасский монастырь как комплекс хозяйственных построек, церкви и примыкающего к ней кладбища находился в стадии разборки или, скорее, уже был разобран, а кладбище уничтожено. Осторожно можно предположить, что окончательная расчистка территории монастыря произошла до июня 1490 г., так как высаживать деревья в более позднее время в нашем регионе нецелесообразно (они могли быть посажены осенью 1489 г. или весной 1490 г.). Конечно, Геннадий хорошо знал о том, что происходит в Кремле, ведь, например, между началом сентября и серединой октября (12 сентября митрополит Зосима был возведен на двор, 26 сентября — поставлен, а 17–18 октября состоялся собор) архиепископ послал три послания в Москву (повольную грамоту на избрание

---

¹² ПСРЛ. М., 2007. Т. XXVII. С. 360.

¹³ ПСРЛ. Т. XXVII. С. 360–361. См.: ПСРЛ. М., 2007. Т. XVIII. С. 274; М., 2001. Т. VI. Вып. II. С. 330; Т. XII. С. 229.

¹⁴ ПСРЛ. СПб., 1911. Т. XXII. С. 462, 505. В. Д. Назаров предлагает ограничить возможную датировку записи временем между 11 июня и 9 августа 1489 г. (см: Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начала XVII вв. М., 1998. С. 227).

¹⁵ ПСРЛ. Т. XII. С. 233.

митрополита¹⁶, рассматриваемое нами письмо и послание собору [Казаков, Лурье, с. 374], не говоря о том, что, скорее всего, в последних числах августа — первых числах сентября Геннадий должен был принимать у себя Георга фон Турна («цесарева посла Юрья»), выехавшего из Москвы 19 августа¹⁷. Можно предположить, что и в другое время связь с Москвой была постоянной и новости владыка узнавал быстро. Он, несомненно, должен был быть хорошо информирован о начавшейся строительной деятельности в Кремле. Это подтверждает и наше послание: перенос костей на ДорогомилOVO, очистка территории («А ныне те места не огорожены, ино и собаки на те места ходят и всякой скот») и посадка сада на месте монастырских строений — вот те детали, которые свидетельствуют об информированности Геннадия.

Как нам кажется, существует несколько косвенных подтверждений того, что сообщение новгородского архиепископа относится к Спасскому монастырю. Геннадий пишет: «...церкви старья извечныя выношены из города вон, да и манастыри старые извечные с места переставлены». Но никаких монастырей в Кремле, кроме Спасского, Чудова и Вознесенского, в это время мы не знаем. Перенесен был только Спасский. Не было никаких монастырей у стен Кремля и на берегах Москвы-реки и Неглинной. Наверное, и здесь следует считать множественное число по отношению к монастырям чисто литературным приемом.

В своем письме Геннадий рекомендует устроить переходы к церкви. Это означает, что церковь находится в непосредственной близости к постройкам двора Ивана III, что точно отвечает реальному положению Спасского монастыря и восприятию его местоположения современниками (ср.: «в дом всемилостивого Спаса, что на Москве, за двором великого князя...»)¹⁸.

На гравюре «Кремленоград», созданной около 1600 г., зеленые насаждения показаны четыре раза. В трех случаях хорошо видно, что это небольшие плодовые сады с маленькими деревьями с кроной шарообразной формы. Два из них находятся на территории между Патриаршим двором (№ 19), Царским двором (№ 16), старым двором Бориса Годунова (№ 21) и Троицким подворьем (№ 22). Один — между Кирилловским (№ 4) и Крутицким (№ 5) подворьями. За церковью Спаса на Бору изображено одно (?) большое дерево с широко раскинутыми ветвями, как бы выглядывающее из-за церковного здания. Можно предположить, что и через сто лет после устройства сада около церкви оставались некоторые деревья или группы деревьев. Отсутствие застройки около церкви Спаса вплоть до нашего времени, исключение ее из комплекса дворца при очевидном дефиците территорий в царском дворце говорит о том, что, по-видимому, с конца XV в. существовала традиция парцелляции этой территории, выделявшая пространство вокруг церкви в особый участок, возможно, возникшая еще в 1490 г. [Подъяпольский, с. 100].

О каких дворах, «отодвинутых» от «города» («А что дворы отдвинуты от города, ино то и в лепоту: а церкви бы стояли вкруг города: еще бы честь граду большая была»), пишет владыка, остается не совсем понятным. Что имеется в виду под словом «город» — кремлевская стена или вся крепость? Продолжение фразы («вкруг города») вроде бы предполагает, что в данном случае имеется в виду вся кремлевская крепость. Но в 1490 г. никакие дворы еще не переносились.

В русской историографии, начиная, по-видимому, с Н. М. Карамзина, исследователи часто связывают с письмом Геннадия несколько событий, произошедших в 1489–1495 г. [Карамзин, с. 26 примеч. 107; Бондаренко, с. 28–29]¹⁹. Это ликвидация Спасского монастыря в Кремле с

¹⁶ Там же. С. 234.

¹⁷ Там же. С. 223.

¹⁸ См. вкладную грамоту Ивана Николаева сына Малютина от 23 марта 1481 г. (Акты Российского государства. С. 230).

¹⁹ «Несмотря на жалобы и неудовольствия некоторых лиц, все хоромы и церкви отнесены были от кремлевской стены на расстояние ста десяти сажен» [Забелин, с. 46]; «Повторяющиеся пожары и особенно последний, в умах благочестивых, старозаветных людей представлялись проявлением Божьего гнева за “великую государскую

перезахоронением останков с монастырского кладбища в Дорогомилове в 1490 г., расширение на 110 сажен гласиса перед кремлевской стеной вдоль Неглинной в 1493 г.²⁰ и устройство сада на противоположном от Кремля берегу реки Москвы в 1495 г.²¹ По-видимому, это произошло в связи с использованием во всех трех случаях выражений «церкви старья извечныя выношены из города вон» (послание Геннадия 1490 г.), «церкви сносиша» (сообщение 1493 г.), «сносити церкви» (сообщение 1495 г.).

В настоящей работе не представляется возможным обсуждать проблему сноса церквей, особенно в той форме (множественное число), как это описано в летописях. Думается, что в православном государстве такого не могло быть. Однако в случае со Спасским монастырем никакого сноса церкви или церквей не было. Престол остался на месте, служба не прерывалась. Был переведен только сам монастырь с монахами. Все остальные описываемые в летописях события произошли позже написания послания Геннадия. Однако сила литературного таланта новгородского владыки оказалась столь велика, что и спустя пятьсот лет эмоциональное воздействие его слова сильнее простого расчета.

Есть, конечно, и другой вариант. Тогда мы должны предположить, что рассматриваемая нами часть письма должна была быть добавлена после 1495 г. Однако в таком случае следует, что это письмо уже было чисто литературным упражнением, непонятно, для кого предназначенным и как используемым. Наверное, необходимо отнести подобное предположение к области невероятного.

Таким образом, если считать, что архиепископ Геннадий в своем письме описывает историю со Спасским монастырем, то события 1489–1492 г. можно реконструировать так:

1489 г. — начало строительства монастыря на новом месте;

1490 г. (до июня или сентября) — разборка строений старого монастыря, разорение монастырского кладбища, посадка сада на месте монастыря;

1491 г. — закладка нового каменного монастырского собора, строительство нового временного двора великого князя;

1492 г., 5 апреля — переезд великого князя в новый двор, начало разборки старого деревянного дворца.

В письме Геннадия есть очень интересное для истории русской архитектуры место:

«А что которыя церкви были в городе, а то также бы подняти на подклетех, да сени рядити (нарядити) вкруг церкви; да переходы с Великаго Князя двора, да Поп бы ходячи пел у тех церквей, а коли лучитя выйти Великому Князю или Великой Княгине саду посмотриети, и он бы посидел у церкви: на поле (ино лепо) видети».

Не совсем ясно, что именно архиепископ имеет в виду. К моменту написания письма около великокняжеского двора находились: к востоку — Благовещенский собор, перестроенный в 1484–1489 г. [Качалова, с. 6–10; Евдокимов, с. 355–376], к западу — Спасский собор

нечесть”, обнаружившуюся в таких мероприятиях, как сломка церквей и перенесение монастырей и кладбищ для очищения пространства перед стенами. “Князь велики церкви на Москве все выметал вон”, говорили в народе и среди духовенства “где престол стоял да и жертвенник и те места не проходны; а ныне те места не огорожены, ино и собаки на то место ходят и всякий скот”» [Бартенев, с. 32] (цитаты без указания источника).

²⁰ «В лѣто 7001... Того же лѣта повелением великого князя церкви сносиша и дворы за Неглинною, и постави мѣру от стѣны до дворовъ сто сажен да десять» (ПСРЛ. Т. XXVII. С. 294); «В то же лета повелением великого князя Ивана Василиевича церкви сносиша и дворы за Неглиною, и постави меру от стѣны до дворъ 100 саженъ да 10» [Шмидт, с. 267]. Тот же текст читается в целом ряде летописей: Симеоновской, Ермолинской, Типографской, Русском хронографе, Никоновской, Львовской, Воскресенской (в последней читается вместо «десять» «девять»).

²¹ «В лѣто 7003... Того же лѣта князь великий повеле сносити церкви и дворы за рѣкою Москвою против города и повелѣ на тѣх мѣстех чинити сад» (ПСРЛ. Т. VIII. С. 230); «В лѣто 7003... Того же лѣта князь велики повелѣ сносити церкви и дворы за рѣкою Москвою противъ города и повелѣ на тѣх мѣстех чинити садъ» (ПСРЛ. Т. XII. С. 240).

с бывшей монастырской территорией [Снегирев; Романюк, с. 11–14], церковь Рождества 1394 г. [Евдокимов, Яковлев, с. 65–80] и в некотором отдалении – церковь Иоанна Предтечи на Бору 1461 г. [Выголов, с. 22–27]. Благовещенский собор и церковь Иоанна Предтечи имели подклеты (уехавший из Москвы Геннадий не видел новых подклетов-галерей в Благовещенском соборе, хотя, скорее всего, знал о них по рассказам), для устройства подклетов в двух других пришлось бы разрушать здания.

Не важно, хотел ли владыка сделать конкретное предложение, или он описывал некую «идеальную модель» дворца, объединенного переходами с храмами (на подклетах с галереями), стоящими в саду. Нам кажется, что здесь опять проявился литературный талант архиепископа. Одной короткой фразой («а коли лучится выйти Великому Князю или Великой Княгине саду посмотри, и он бы посидел у церкви: на поле (ино лепо) видети») он нарисовал психологически очень убедительную (и совершенно понятную современному человеку!) картину жизни. Здесь мы слышим прорвавшуюся к нам сквозь века живую речь заказчика, рассказывающего о своем замысле постройки.

Нетрудно догадаться, откуда такие «архитектурно-композиционные» идеи появились у новгородского архиепископа. Его собственная резиденция, Владычный двор в новгородском Детинце (отстроенный его предшественниками Евфимием Вяжицким и Ионой Отенским и, по-видимому, к 80-м годам XV в. превосходившая великокняжеский дворец по размерам и сложности)²², примыкавший к огромному Софийскому собору, состояла из нескольких каменных палат разного размера и назначения, церквей (трех надвратных, одной на подклете, двух у собора), галерей и переходов. Комплекс включал в себя и внутренний сад, по размерам вполне сопоставимый с территорией вокруг Спасского собора. Ничего подобного на Руси не было ни у одного князя или епископа.

Конечно, великий князь хорошо представлял себе устройство Владычного двора, ведь к 1490 г. он бывал там уже не раз. Хотя письмо архиепископа было отправлено митрополиту, трудно предположить, что великий князь не был ознакомлен с его содержанием. Может быть, это иллюзия современного человека, привыкшего к мгновенному распространению информации, но при чтении послания новгородского владыки складывается впечатление, что митрополит как адресат здесь служит ширмой, позволяющей говорить вещи, которые нельзя было сказать прямо в письме к великому князю, и что это письмо написано для чтения или пересказа московскому государю.

Нам кажется, что письмо архиепископа Великого Новгорода и Пскова Геннадия митрополиту Зосиме не может служить достоверным источником по истории строительства в Московском Кремле. Сведения о строительстве, получаемые из рассказов, он интерпретировал в нужном для своих конкретных политических целей направлении, сделав это так убедительно, что и спустя многие века мы продолжаем ему верить. В то же время для истории отечественной архитектуры он оставил уникальный образец прямой речи заказчика, в силу обстоятельств оказавшийся записанным на бумаге.

Литература

- Алексеев А. И. Заметки о религиозности Ивана III // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006. С. 187–201.
- Антипов И. В. Новгородская архитектура времени архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского. М., 2009.

²² О Владычном дворе см.: [Антипов, с. 194–201, 202–206, 208–214, 218, 220–222, 227–228, 235–236, 245–247, 253–256, 257–258, 280].

- Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. М., 1912. Ч. I.
- Бондаренко И. А.* Красная площадь Москвы. Архитектурный ансамбль. М., 2006.
- Борисов Н. С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2004.
- Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988.
- Геннадий, архиепископ Новгородский // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1875, май. М., 1875. С. 487–499.
- Евдокимов Г. С.* К истории построек Казенного двора в Московском Кремле // Царский храм. Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры. ГИИ. Материалы и исследования. М., 2008. Вып. XIX. С. 355–376.
- Евдокимов Г. С., Яковлев Д. Е.* Новые исследования церкви Рождества Богородицы в Московском Кремле // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники. М., 2009. С. 65–87.
- Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2005.
- Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодалные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л., 1955.
- Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. VI.
- Качалова И. Я.* История архитектуры Благовещенского собора // Качалова И. Я., Маясова Н. А., Ценникова Л. А. Благовещенский собор Московского Кремля. К 500-летию уникального памятника русской архитектуры. М., 1990. С. 6–23.
- Костомаров Н.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Отдел первый, выпуск второй. «Новгородский архиепископ Геннадий». СПб., 1874.
- Подъяпольский С. С.* Московский кремлевский дворец по данным письменных источников // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего Средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 99–119.
- Романюк С.* Москва. Утраты. М., 1992.
- Снегирев И. М.* Спас на Бору в Московском Кремле. М., 1865.
- Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический Архив. М., 1951. Вып. VII. С. 254–299.
- Шокарев С.* Повседневная жизнь средневековой Москвы. М., 2012.